

Община, ее уход из мира и ее последствия как феномена

Платон Михайлович Лесухин

студент-бакалавр, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет

lesuhinplaton543@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена сущности и онтологическому статусу понятия общины в её соотносённости с понятием сообщества французской философии XX-XXI вв., идеей спасительности и способов существования. Община онтологически понимается в качестве сожительствующих, объединённых своим укладом. Наличие уклада и устремлённости к сообществу создают противоречие, так как это одновременно соотносённость с миром и стремление от него удалиться. Община рассмотрена в качестве способа занятости спасением. Рассмотрение понятия общины происходит на онтологическом уровне, а также на историческом - как примерах различных модусов общины, её проявлений в ходе времени (монашество, коммунитарные движения XX-XXI вв). Община предполагает собой спасительность и предоставленность определённого способа быть автономно (при этом уклад общины отчуждает её участников друг от друга). Спасительность общины определяется либо через устремлённость к сообществу, либо через парадоксальную формулу "спасения от спасения". Таким образом, выделяется два типа спасительности: разрыв уклада через устремлённость к онтологическому горизонту сообщества, либо его удержание, фундирование в настоящем. Соотносённость общины с миром предполагает наличие общины в мире в качестве чего-то автономного, но при этом являющего себя в качестве примера трансформации жизни, что может быть раскрыто через монашеские и богословские тексты (Августин, Пелагий, Экхарт, Кассиан) - как пример мышления о соотносённости с миром, но не как направленность мышления в конкретном теологическом направлении. Община не есть спасённость, ибо она есть лишь распадающаяся устремлённость к ней.

Ключевые слова: община, сообщество, спасение, уклад, уход из мира, участие, коммунитарное движение, монашество, обусловленность, средний мир

The commune, its hermitry and consequences as a phenomena

Platon Mikhailovich Lesukhin

Bachelor's student in the Philosophy Department at the Russian State University for the Humanities
lesuhinplaton543@gmail.com

Abstract: This article examines the essence and the ontological status of the term of commune in relation to the term of community in French philosophy of XX-XXI centuries, the idea of salvation and ways of existing. Ontologically we define the commune as a set of cohabitants who are united by their way of living. The presence of some way of living and the intention for community create a conflict as these are both intentions to be related to the world and to leave it. We examine commune as the way of being busy with one's own salvation. This examination of the commune happens both on the ontological and historical levels as examples of different modes of the commune and its manifestations through the time (monasticism, communitarian movements of XX-XXI centuries). The term of the commune implies the salvation and the presence of a definite way of autonomous being (at the same time the commune's way of living separates its participants from each other).

The salvatory side of the commune can be defined either with the intention for the community or with the contradictory formula "the salvation from the salvation". Thus, We distinguish two types of salvation: the destruction of the way of living through the intention for the ontological horizon of the community, or the keeping this way of living, its manifestation in the present. In the last chapter we

describe the giving of the autonomy and another way of being to the participants of the commune through the being “here” that can’t not be said in the case of the community. The relation of the commune with the world means the presence of the commune in this world as something independent but giving the example of life transformation that can be explained with the monastic and theological texts (Augustine, Pelagius, Eckhart, Cassian) as an example of the thinking about the relation to the world but not as the vector of thinking in theological way. The commune does not provide one with salvation as it is just a disappearing potential to it.

Keywords: *commune, community, salvation, way of living, hermitry, participation, communitarian movement, monasticism, conditionality, medium world*

© П.М. Лесухин (Москва). lesuhinplaton543@gmail.com. Российский государственный гуманитарный университет. Южный Полюс 15 (1) (2026) DOI: 10.18522/2415-8682-2026-15-53-65

Введение. Мышление о сообществе на протяжении своего фрагментированного развития (в первую очередь: Нанси [1], Бланшо [2], Агамбен [3]) почти не разработало учения о том, как и какая возможна направленность в сторону сообщества. Очевидно из случившихся построений, что сообщество каким-то образом может быть нами обнаружено, но никогда оно не будет прямо здесь; нельзя с уверенностью произнести — “вот оно, сообщество!”. Его можно предположить в некотором отдалении от нас, т.е. другом месте и времени. Однако, если сообщество доступно нашему обнаружению или является для нас тем, на что наше внимание оказывается обращено, то, видимо, следует феноменологически расследовать нашу потаенную устремленность к сообществу. Потаенной ее следует назвать потому, что названная устремленность происходит косвенно и опосредованно. Из этого можно бы сделать вывод, что устремленностей к сообществу столько же, сколько и способов быть; однако такой ответ будет истинен только при условии, что единственным видом соотносительности с сообществом будет устремленность к нему, а этот пункт требует немалого уточнения. В настоящем исследовании, в отличие от названных авторов, мы попробуем представить оптику практической реализации устремленности к сообществу, выражающейся в конкретных исторических формах. Этой реализацией является община.

Община представляет удобный ракурс для рассмотрения устремленности к сообществу, поскольку она представляет из себя другой формат переживания общности, но общность здесь тоже является самоценной. Сообщество и общину мы могли, следовательно, назвать двумя разными форматами общности, но если первый характеризуется отрицательно и не поддается приведению к безусловной ясности, то второй как раз определенностью и отличается, являя нам себя прежде всего через ограниченную локальным контекстом фактичность в резонансе с более общим контекстом. Таким образом говоря об общине, мы дополняем отрицательные имена сообщества утвердительными именами общины, но чем полезно мышлению такое асимметричное взаимодополнение? Если мы увидим положительные имена общины, участники которой косвенно устремлены к сообществу посредством самой общины, а далее проследим связь между ними и отрицательными именами сообщества, то мы сможем определить закономерность между сообществом и устремленностью к нему.

Определимся более точно с тем, что исследованию подвергнем. О какой общине нам следует вести речь? Вероятно, можно было бы устроить расследование причастности на примере общин, существующих вследствие традиционного уклада, где участники не совершают выбора быть ли им в общине, но чтобы увидеть общину в ее заостренной форме оптимальным будет обратиться к тем видам этого явления, которые были сформированы с некой целью и были осязаемо конечны. Что такое община? Предварительно ее можно определить как некоторое множество проживающих вместе людей, наделенных устойчивыми

связями и совместной деятельностью. Как правило деятельность является хозяйственной, а хотя бы часть связей представляется участникам общины определяющими ход их жизни. Но это определение имеет описательный характер, если же мы возьмем общину как сущее, то решающим в определении будет понятие уклада. Уклад — устойчивый способ общины отправлять свое существование, разделяемый ее участниками. Община, если мыслить ее онтологически, — сожительствующие, объединенные укладом. Уклад может состоять из одних только обычаев, или быть оформленным через некоторый устав. Также возможно сочетание обоих способов установленности уклада, ведь тогда писанный, осознанный устав и зачастую незаметный обычай будут вступать в резонанс, вследствие которого будет виден процесс трансформации общины.

Также важным понятием общины следует назвать уход из мира. Он — не смерть или бегство, но изобретение отделенности. Нельзя покинуть мир без ее изобретения, т.к. в любой точке пространства через феноменологический горизонт будет замечен мир. Этот уход не является сознательной капитуляцией, хотя в более экспансивных проектах спасения такой шаг, как правило, как позорная капитуляция и рассматривается. Отделение от мира есть принципиально иной способ разработки спасительности, чем его трансформация, и между ними не следует устанавливать очевидного противоречия. Община уходит из общего мира, чтобы каждый собственный мир отдельного участника был герметизирован “средним миром” общины, и ничего из внешнего мира, лишённого общности, не могло коснуться до отдельного участника без опосредования. Но община может участвовать во внешних процессах и мир каким-то образом трансформировать, хоть и живет она скорее сама по себе.

Община, как и сообщество, является сотериологическим проектом. Община и ее участники могут быть устремлены к сообществу, но они устремлены к спасению независимым от сообщества образом. Пытаться быть другим собой в другом мире, т.е. предполагать тотальное преображение, — устремляться к спасению; этим занята как сама община, так и ее участники посредством нее. Но пока что стоит разделить устремленность к спасению и спасительность, представляющие собой занятость преображением и действительность его события, однако позднее будет показано, почему такое разделение носит скорее инструментальный характер.

Таким образом, настоящее исследование ставит перед собой следующую задачу: определить, что собой представляет община с точки зрения устремленности к сообществу. В начале статьи будет рассмотрена сама природа общины, её структура, а именно: те возможности, которые община даёт (как нечто отталкивающееся от того, что есть), приоткрывая тем самым причины её возникновения и нужды в ней у человека. Далее будет проанализирована соотнесённость участников общины друг с другом и с ней самой, как указание на её специфическую структуру, а далее - устремленность общины к спасению и её отношение к сообществу, как к некоторому онтологическому горизонту.

Затем нами будет рассмотрена практическая реализация сообщества в истории на примерах коммунитарных движений в России 19-го века (как наиболее яркий пример необходимости перестройки способа быть для человека), монашеский обществ, а также “антицивилизационных” авторов (как авторов, радикально не принимающих существующий способ быть): Торо, Юнгера, Качинского. Все эти примеры будут служить показателями радикального мышления в сторону общины ввиду её жеста “ухода из мира” - перестройки существующего способа быть для человека. Таким образом, важно не столько конкретное содержание идей (будь то коммунисты, христианские монахи, антицивилизационисты), сколько их форма с точки зрения онтологического жеста направленного на создание общины, как противовесу сложившимся обстоятельствам.

Возможности общины. Для того, чтобы начать рассуждение об общине, необходимо вообще определиться с тем, что мы под ней понимаем, так как общину можно рассматривать из совершенно различных оптик: как социальное явление (объединение индивидов, обладающее уставом, выражающееся в конкретных исторических формах), религиозное

явление (монашеские общины в рамках богословских концепций) и многими другими способами. Несмотря на то, что общину мы предполагаем рассматривать онтологически, необходимо произвести ряд примеров, при обобщении составляющих это понятие. Общиной можно назвать немалое количество объединений: небольшое городское поселение с активным политическим слоем, монастырь, автономное сельское поселение, кочевое племя, городской район, целиком занятый профессиональным объединением, и даже отдельное помещение, где люди осуществляют некую совместную деятельность и вместе живут. Но это примеры наиболее концентрированной «общинности», где присутствует одновременно совместное проживание и общая занятость, здесь следует говорить об общине в строгом смысле этого слова. Такие объединения живут сами по себе, являясь барьером для своих участников между миром общины и внешним по отношению к нему пространством. Дабы понять, как названные явления можно объединить в одно понятие, требуется осмыслить взаимодействие общины и ее участников и способ общины быть спасительной. Проживание на одной территории и общая занятость характеризуют только условия возможности общины, но дабы она состоялась в своей подспудной, зачастую неясной самим участникам задаче, община должна быть суверенна внутри самой себя, быть действующим лицом и представлять собой занятый спасением «средний мир».

Внутренняя динамика между общиной и ее участниками. Община сама участвует во внутренней жизни общины как самостоятельная сила, используя собственных участников и трансформируясь под их воздействием. Община является силой, которая рискует представиться ее участникам автономной, но действия общины относительно себя самой и ее участников обусловлены предшествующими вкладами участников в нее, их действиями того или иного свойства. Для примера можем обратиться к концепции «достойного общества» Авиша Маргалита [4] и применить ее к ситуации общины, предположив «достойную» и «недостойную» общины. Недостойная община будет характеризоваться допущением своим участникам неуважительного отношения друг к другу, допущением унижения и, возможно, насилия. Униженный участник, еще, предположим, не имевший сведений о недостоинстве данной общины, может обратиться к общине, дабы она ответила уместной санкцией на недостойный поступок его обидчика, но она либо ответит безучастием, либо вовсе выкажет порицание обратившемуся, ведь он обнажил еще раз для других участников замалчиваемую недостойность общины. Если бы недостойность такой общины не замалчивалась старательно, а открыто провозглашалась, то это также указывало бы на затухание общины. Поскольку контакт между ее участниками достаточно тесен, а отделенность общины от мира предполагает выработку более благоприятного чем сам мир пространства, постольку недостойная община, представляющая неудачную попытку спасения, саму идею общины оспаривает, а следовательно - будет постепенно рассыпаться.

Потому очевидно, что община не представляет собой нечто сугубо благотворное, и далеко не на всех самолично избравших общинную жизнь участников она имела благотворное влияние. Неясно, можно ли здесь говорить о каком-то очевидно положительном и негативном эффекте, ведь последствия общины выявляются через последующую жизнь, уже обусловленную преимущественно независимыми факторами. Стоит отдельно прояснить, что община как действующее лицо может участвовать в себе в большей или меньшей степени. Если община вовсе не участвует в своей же внутренней жизни, то можно констатировать ее затухание. Вероятно, если община не участвует в своей внутренней жизни, а это замечено ее участниками, то они обнаружат себя беззащитными перед внешним миром, и либо попытаются реанимировать общину, либо разойдутся по своим личным мирам, уже не так сильно связанным. Крепкие и устойчивые отношения участников в общине, некогда определявшие их жизни, за пределами общины рискуют снизить интенсивность или вовсе прекратиться, ведь за пределами общины из не связывает уклад и разделяет личное выживание. После завершения общинного опыта можно уйти обратно в мир, или из одной общины перейти в другую, но чтобы уйти из мира в общину нужно создать ряд условий, и

прежде всего согласие с некоторым укладом. Если такого согласия не будет иметься, то человек останется в мире, сколь недостойным он бы для него не был.

Не сразу становится ясным, что из мира можно уйти куда-то помимо смерти, неординарной зачастую познавательной операцией будет предположить вроде бы отдельный от общего мира “средний мир”, изнутри которого общий мир кажется внешним. Средний мир, т.е. община в данном контексте, является местом проживания участников. Участник общины не живет на некой территории или в некоем помещении, он проживает внутри ситуации, предоставленной ему общиной. Территория или помещение могут принадлежать владельцу в некоем лице, являясь отчужденным жилищем, но община, даже проживай она на чужой территории, является ситуацией осуществления уклада, а потому внутри общины нет отчужденного жилища вследствие полноты предоставленной ситуации.

Община отчуждает участника через включение его в обуславливающие общинные отношения, которые он должен осуществлять несмотря на свое желание. Участники отчуждены друг от друга укладом, и хоть община может управляться совместно, но она будет стоять внутри уклада выше отдельных участников, и выбор участников общины в конфликте между ней и некоторым ее участником в пользу участника будет подрывать суверенитет общины как действующего лица. Суверенитет общины как действующего лица выступает гарантом осуществления уклада, если община утратит его, то уклад начнет распадаться, а значит и существование общины будет поставлена под угрозу.

Общинную жизнь можно покинуть окончательно, но долго еще общий мир будет воспринимать как мир внешний, безразличный и не поддающийся обустриванию. Если мир представляется злым, враждебным — то положение дел выглядит намного лучше, ведь тогда покинувший общину может найти себе политическое участие, запрашивающее трансформации мира. Но мир для покинувшего общину будет скорее безынтересным, неудобным и безразличным. Общину покидают те, кто утрачивает согласие иметь дело с тем неудобством, которое представляет из себя конкретность совместности, обнажающая худшее и лучшее что может быть в человеке. Столкновение с пограничным аффектами и действиями внутри общины закономерно, но подрывает уклад, требующий после аффективной событийности реконструкции или перестройки, которые община не всегда может себе позволить вследствие как ресурсной обеспеченности, так и возможного ослабления общины как действующего лица.

Для формализации понятия общины требуется отметить еще ряд параметров ее самоосуществления. Хоть община и отлична от сообщества, но отношения в ней вполне могут быть общественными, т.е. происходить в устраняющем различия праздновании. Импульс общины к сообществу происходит именно через установление в ней общественных отношений между отдельными ее участниками, которые подрывают уклад, устроенный конкретным образом, обусловленный рядом различий. Отношения участников общины между друг другом и к самой общине установлены укладом, обуславливающим их; если общественные отношения постепенно заменят собой отношения, обусловленные укладом, то община утратит свою возможность обуславливать сущее и прекратит свое существование.

Уход из мира и занятость общины спасением. Община мыслится нами для того, чтобы показать соотнесенность сообщества с конкретным сущим, но это не значит, что община сама по себе носит служебную роль для сообщества. Нельзя сказать, что сообщество и община альтернативны друг другу, или составляют два иерархически соподчиненных уровня одного и того же. Община занимается опосредовано тем, чем сообщество предполагает заниматься без опосредования, и здесь проявляется утопичность сообщества и проектность общины. Проектность в этом случае не отменяет утопию, понимаемую здесь как окончательное преобразование мира, но пытается разработать инструментарий для попыток приближения к ней. Сообщество происходит как сообщество, община же способна быть к сообществу как утопии устремлена. Именно потому, что утопичность сообщества

непререкаема, оно имеет только отрицательные имена, скорее мерцающие в сущем, чем посреди него находящиеся.

Когда мы ведем речь о сообществе, мы косвенно пытаемся предположить исправление той ситуации, которую представляет из себя общество. Изнутри мышления о сообществе общество представляется пространством эфемерной, надуманной общности, основанной на сродстве ряда различий одного человека и другого, одной группы лиц и другой похожей. Таким образом общество есть пространство приобретения причастности через почитание и удержание некоторого различия, обеспечивающего причастность. Различие предполагает противопоставление, по крайней мере риторическое отделение себя от врага, т.е. общество предполагает политику шмиттовского понятия политического, где враг предшествует другу и друг определяется через обнаружение врага [5, с. 301]. Общество представляется лишенным общности, происходящей изнутри самой себя и ради самой себя, оно основано враждой, делающей дружбу служебной. Дружба и любовь, как самоценные типы близости, где соотнесенные без необходимости друг с другом существа происходят совместно — случается на задворках общества, там, куда оно не смогло добраться. В устраняющей различия близости некоторое множество лиц празднует себя, в этом праздновании не отличая себя от другого. Таков способ сообщества быть спасительным, состоящий в экстатическом устранении различий множеством, лишенном признаков. Но каков способ общины быть спасительной и как вообще мы можем мыслить спасительность там, где есть установленный уклад, обуславливающий фактичность?

Здесь обнаруживается противоречие, которое происходит из соотнесения понятия спасения и общинного способа быть. Для прояснения понятия спасения потребуется обратиться к некоторым богословским материалам. Спасение в понимании позднего Августина осуществляется через благодать [6, с. 179], которая предопределена только волей заповедного бога и никакими человеческими действиями не может быть приближена. Бог первоначально избрал себе святых, и, если дополнять Августина, заранее избрал обреченных на вечные муки, т.к. он является ничем не обусловленным сувереном. Восточная традиция, уместная к представлению через фигуру Иоанна Кассиана, занявшего промежуточную «полупеллагианскую» позицию между теорией всецело предопределенной благодати Августина и теорией спасения через праведные дела Пелагия [7]. Иоанном Кассианом предполагается, что спасение человеком достижимо не только через собственные усилия, но он также не разделяет позицию Августина о полной утрате человеком способности самостоятельно стремиться к богу после грехопадения [8]. Кассиан, наученный опытом восточного монашества и являвшийся распространителем монашеской доктрины в западной части империи, предполагал спасение завязанным на сотрудничестве между человеческим устремлением и божественным участием в спасении. Данная теория сотрудничества в деле спасения получила развития в мышлении о созерцании нетварных энергий Григория Паламы, где в совершении «умной молитвы» монах достигает обожения, позволяющего ему созерцать нетварные божественные энергии, что является уже на земле произошедшим спасением, хоть и не гарантией спасения посмертного [9]. Параллельно ему Мейстер Экхарт, как и Палама взаимодействующий с низовыми религиозными движениями, говорит о приобретении отрешенности как освобождении внутри себя места, которое мог бы занять бог. В сочинении «Об отрешенности» он пишет, что бог сам может создать в человеке готовность и произвести вторжение в человека [10], совершенно незанятом аскетическими упражнениями, как это имело в случае апостола Павла. Но куда более деятельной позицией будет приобретение отрешенности, вычитание собственной души, дающее приобретение готовности к тому, что бог явился как неожиданный, но знакомый гость. Неожиданным его стоит назвать поскольку никакие усилия не дают гарантии спасения, ведь разделенный отпадением от бога человек не может вернуться к нему только по своей воле. На этом материале можно сказать, что спасение происходит через соотнесенность и участие в ней обеими сторонами. Кратко обозначив то, как именно спасение мыслилось в богословии, и как, следовательно, оно будет мыслиться нами в

занятии, которое не является с необходимостью религиозной, перейдем к предметному рассмотрению способа общины быть спасительной.

У нее есть два пути реализовывать свою способность к спасению: через реализацию устремленности к сообществу и через укоренение в себе же. Если община выбирает первый путь, то ее уклад оказывается разорван на части устремленностью как ее самой, так и ее участников к сообществу, т.е. устраняющему всякое различие празднованию. Община не может сочетать свое существование посредством уклада, свою отъединенность и опосредованность участников от взаимодействия с большим миром с устремленностью к сообществу, которое не признает какой-либо границы. Вторым способом является здесь пребывание внутри своего уклада столько, сколько представляется это возможным. Такой способ спасительности мы могли бы назвать удерживанием общины. Удерживание общины предполагает ее обустройство, оттачивание уклада до наиболее функционального и благоприятного для участников, приведение порядка жизнедеятельности общины к достойному, а то и вовсе справедливому состоянию. Попытку такого решения мы видим в случае толстовской коммуны «Жизнь и труд», продержавшейся при советской власти долгое время вплоть до 1939-ого года, и прекратившей свое существование только под внешним давлением.

Этот способ быть спасительным проявляется в постепенном отказе от перспективы безусловного, невозможного спасения и, если выражаться парадоксально, спасении от спасения. Первый способ общины быть спасительной, проявляющийся в разрушении общины через стремление к сообществу, саму общину преодолевает, но производит лишь местный инцидент спасения, а не безусловное его свершение. Сообщество случается и происходит, но каждое появление его — неокончательно, и скорее является обещанием, чем переменной в наличном. Именно мгновенность, неукорененность сообщества в повседневности побуждает обжиться в общине. Названные два подхода быть для общины спасительной могут чередоваться у некоторых участников, и хоть они в рамке конкретной ситуации являются противоположными, но на протяжении долгого времени могут сменяться один другим. Некто, когда-то преодолевший общину по направлению к сообществу, может позже задержаться надолго в другой общине, помешать ее преодолению и обустроить так, что она предстанет для него случившимся «спасением от спасения». Такое спасение будет условным, но оно единственное может предстать для участника окончательным. Спасение от спасения есть единственное окончательное потому, что все предоставленное устремленности к спасению спасением для этой устремленности не предстанет; только прекращение самой устремленности может осуществить спасение через устранение его как задачи, но такое разрешение не является спасительным.

Община, таким образом представляет собой способ быть в ситуации неудобоваримости этим миром, некоторым «здесь». Она предполагает соотнесённость участников через уклад, одновременно предлагая спасение этим самым укладом, однако сама суть этого спасения заключается в отказе от устремленности к сообществу (которое являет собой также спасение), что и можно выразить в формуле «спасение от спасения».

Далее нами будет рассмотрено проявление сообщества в истории, осуществление общины на практическом уровне.

Что дает община своим участникам? Если мы будем опираться на материалы по коммунитарному движению конца 19-ого века, то в различии с участниками революционной активности станет ясно, каков был специфический способ быть и чувствовать тех, кто избрал общину своим занятием. Община не является способом для производства чего-то и приобретения от него средств в отличие от кооператива. Пребывание в общине и ее обустройство, занятость ее трансформациями и проведение собраний с другими участниками — труд, который можно назвать профессией, требующей не навыка, но органичности общинному способу быть. Занятость общиной и ее делами может быть наибольшим делом для ее участника, который как правило вследствие своей большой вовлеченности может занять

там центральное, организующее место. В исследовании Ирины Гордеевой «Забытые люди. История российского коммунитарного движения» встречается скорбное обобщение опыта многих тогдашних общин от лица их участника, заключающееся в том, что после первоначального обустройства и организации уклада начинаются межличностные столкновения, постепенное ослабление общины как суверена и последующий распад [11, с. 139]. Такой пример отчетливо свидетельствует нам: община - это не столько опыт успеха, сколько успех опыта, победа опыта над человеком его приобретшим. Уход из мира может быть конечен, после распада общины многие ее бывшие участники могут разочароваться в возможности этого способа быть и попытаться вновь устроиться в мире, отказавшись от собственных убеждений. Однако конечность ухода из мира обусловлена не столько неумением или невозможностью организовать сущее, чтобы община могла быть хоть какое-то время; конечность ухода из мира происходит зачастую вследствие рассмотрения деятельности общины как результата трансформации, а не как постоянного нахождения в этом процессе, где случаются невыносимые поражения по неизвестным обстоятельствам.

Общинники конца 19-ого века отличались от революционеров нежеланием кого-либо спасать насильственными методами, они предполагали возможность жить так, как следует это делать уже сейчас, без всякого переходного периода и вынесения благой жизни за порог наибольшей перемены. В статье «Этика нигилизма» Семен Франк описывает мышление революционной интеллигенции, которое можно обозначить через гностическую познавательную операцию вынесения всего благого за пределы этого мира в незримое будущее, рискующее наступить после преобразования всего сущего [12]. Если все благое оказалось вынесено за пределы, то этот мир объявляется чистой ложью, требующим устранения злым обманом властителей, а значит — никакая этика здесь невозможна, и единственной доступной этикой будет организация устремленности за пределы этого мира, в совершенное другое пространство будущего, где выйдет быть совершенно другим. Стать совершенно другим в совершенно другом мире — значит пережить очищение, а поскольку в случае спасения революционным путем оно будет гарантированно пережито, то не следует поступать хоть сколько-то доброжелательно к кому-либо, пока мы находимся здесь. Те, кого мы можем назвать общинниками, совершенно не могли принять такой подход к обхождению с человеком и сущим вообще.

Наиболее точной характеристикой их мироощущения будет понятие *очуждения*, т.е. переживания безапелляционной и беспричинной собственной неуместности, безотносительности к миру собственного обитания. Общинниками становились люди, которые искали себе благой жизни, но почти везде обнаруживали будто бы неисправимую внутри цивилизации ложь. Неприязнь ко всякой цивилизации позднее станет частым сюжетом философии и, в т.ч., психоаналитической теории, но общинники открыли весьма очевидное пространство, куда можно уйти из мира. Неосвоенные территории могут быть освоены, а если начать уходить без места, где можно быть вместо мира — то сам процесс ухода будет обжит, освоен и превращен в занятие. Такую картину мы можем наблюдать в известном анти-модернистском тексте «Уход в лес» Юнгера [13]. Но нечто отличное мы видим в случае текста Генри Торо «Уолден, или жизнь в лесу», где нет описания долгого покидания мира и стратегий осуществления этого плана, а есть описание того пространства, где он оказался после ухода из мира [14, с. 97]. Описание это нельзя назвать теоретическим, практически весь текст Торо является феноmenoграфическим, т.е. представляющим сущее вне какой-либо затруднительности, требующей познания сущности. Анти-цивилизационное бегство на фронт, периферию неосвоенных территорий тем не менее носит временный характер и является заранее проигранным, т.к. ползучее расширение цивилизации черпает неосвоенное как ресурс, что мы видим на примере случая Теодора Качинского, мысль которого является теоретизированным бессилием что-либо поделать с неудовлетворительностью этого мира и куда-то уйти из него: «Кроме того, если система уцелеет, последствия будут неотвратимы: не

существует никакого способа её реформирования или модифицирования, не позволяющего отнять у людей чувство собственного достоинства и независимость.» [15, с. 22]

Общинники не осуществили бегства на другие территории, но ушли из мира в свой способ быть. Уход из мира в способ быть предполагает такую выработку автономии, которая не была бы притом изоляцией. Автономия предполагает возможность перейти к осуществлению требования действительной, благой жизни без опосредования некой внешней трансформацией. Община как выбор способа быть, выбор жизни предполагает опосредованность не трансформацией кого-то другого, но занятость собственной трансформацией совместно с лицами, разделяющими насущность этого требования. Община пребывает в соотнесенности с миром как пример преобразования, ровно как и отшельник пребывает к монастырю в качестве примера, и как монастырь соотносится с миром как пример для него [16, с. 16]. Соотнесенность с миром ушедшей из него общности или лица предполагает, что ушедший разрабатывает куда более существенный объем как несогласия относительно мира, так и согласия. Согласие предшествует несогласию, заметное же несогласие предполагает куда больший объем согласия, чем само согласие безо всякого добавления. Ушедшая из мира община выказывает собой, что при всей неудовлетворительности мира не нужно его отрицать, его презирать и пытаться насильно трансформировать. Община высказывает через себя как сущее, что мир может не быть устремленным к преобразению или хотя бы какому-то улучшению, но оттого не перестает быть иметь право быть таким и никто это право у него не должен подвергать сомнению. Уход из мира предполагает смирение с миром, доверие к миру и приобретение с ним такой соотнесенности, которая может не посредством активного воздействия его трансформировать, но посредством одно только призыва к нему обращенного, каковым является община. Общинный способ быть предполагает существование общины как призыв, обращенный к миру, из которого кто-то ушел, дабы сформировать общину и попробовать жить так как следует это делать уже сейчас, без отодвигания трансформации за горизонт некоего события. Пребывание в общине при всей герметичности проживания в ней для участников является куда большим пребыванием в обостренных, чувственных отношениях с миром, чем жизнь посреди его процессов.

Общинный способ быть — это соотнесенность, отношение общины и ее участника, одного участника и другого, общины и мира. Участники в общине соотносятся в качестве участников не через личное общение, а через собрания, которые организуют и систематизируют существование общины. Община соотносится с участниками через собрания, через ее уклад, прокладывающий те или иные пути действия внутри общины и за ее пределами. Выходя из общины участник говорит от ее лица перед миром, представляя ее способ быть посредством самого себя. Община соотносится с миром через участников, выходящих за ее пределы и говорящих от ее лица, и через себя как представленное для мира. Соотнесенность общины не предполагает морального наставления для тех, кто мир не покинул; пример не является упреком или повелением, а является приглашением к общению, приглашением разделить тот способ быть, который община для себя избирает. Сама соотнесенность, отношение — есть приглашение к общению, приглашение в этом общении быть чем-то иным и большим, чем является тот, кто в мире устроен и смог беспрекословно являться собой, следовать во всем своей воле. Община основана обуславливающим укладом, но является приглашением к общению для кого-либо, для любого, кто способен обратить на нее внимание и предположить, что его знание о себе куда более скупое, чем доступное ему к приобретению незнание не только о себе, но и чем-то помимо себя. Потому общине присуща устремленность к сообществу, которая она неспособна целиком искоренить из себя. Своим приглашением к общению она выполняет роль аскетического очищения и постепенной переделки собственных желаний, задачу устранения «я». Не так важно в данном контексте, говорим мы о раннесоветской общине или монашеской. Монашеская жизнь предполагает помимо соотнесенности с миром куда более серьезную занятость аскезой и молитвой,

устремленными к богу. Соотнесенность с миром будто бы играет для монашества роль скорее эпифеномена соотнесенности с богом, но отношение монашеской общины с богом включается в отношение с миром, создавая именно этим существенность монашества для церкви.

Раннесоветские коммуны активно были представлены в пропаганде, поскольку, как казалось советской власти, представляли собой самостоятельный рывок крестьянства в сторону коммунизма [17], независимый от вмешательства властей. Действительная картина жизни отличалась от официальной риторики, и даже коммуны, которым было присвоено наименование “образцовых”, все равно не исполняли целиком своей хозяйственной задачи, но для внешнего наблюдателя успешно исполняли роль примера. Вследствие управляющего содействия советской власти коммунам вплоть до коллективизации и приписывания им нормативных уставов нельзя сказать, что раннесоветские коммуны могут быть названы общинами в полном смысле, но примечателен факт использования их образов в качестве примера, который, как кажется, зачастую играл куда более значительную роль, чем действительные хозяйственные успехи общины. Для дореволюционных общин, толстовских и не только, хозяйственных успех не играл никакой роли, помимо обеспечения выживания самой общины, а поскольку хозяйственная деятельность была лишь побочным занятием, то ключевую роль для них играли собрания и дискуссии на них о том, как более верно устроить уклад и как следует жить вообще. Для монашеских общин их задача была осязаема, и потому структура уклада играла роль лишь исполнения этой задачи.

Заключение. Община есть такое сущее, которое является способом быть. Это отделяет ее от прочих сущих и позволяет составлять о ней онтологию, которая открывает возможность переопределения онтологического мышления вообще. Нельзя назвать такое исследование региональной онтологией или «философией родительного падежа», ведь всякое разбирательство с особенным сущим позволяет подойти к разбирательству с методом и осуществить его пересмотр. Но это лишь возможное косвенное следствие произведенного осмысления, основной нашей целью было подойти к тому, как мышление об общине дополняет преимущественно апофатическую теорию сообщества. Ведь сообщество не есть сущее, сообщество есть намерение отдельных сущих, а потому требуется понять, как такое намерение может иметь условия возможности и осуществляться. Община не есть единственное условие возможности сообщества, но поскольку устремленность к нему в общине отчетлива, она способна быть наиболее удобным ракурсом для дополнения апофатической теории сообщества утвердительными именами. Община осуществляет названное намерение, но не исчерпывается им, являя собой приглашение к общению как способ быть. Она обладает исторической фактичностью и описывается через собственный ряд понятий, что также не позволяет отождествить ее с сообществом.

Община обладает противоречием между своим укладом и устремленностью к сообществу, а потому она всегда наполовину проигрывает, если не оказывается уничтожена внешними обстоятельствами. Будучи уничтожена внешними причинами, она тем не менее поражения не терпит, ведь будучи незавершенным опыт общины представляет из себя событие опыта, переформулирующее человека и его дальнейшее обхождение с сущим. Если община оказывается преодолена натиском устремленности к сообществу, то на какое-то время вместо нее происходит не постепенное устранение «я» путем скрещения различных соотнесенностей и пребывания в них, а безусловное празднование отсутствия различий; его можно назвать событием сообщества в мире, несмотря на то, что община из мира уходит. Момент преодоления общины происходит в мире, поскольку вместе с общиной преодолевается и ее ограниченность от мира посредством уклада. Сообщество - это не столько способ быть, сколько способ случиться. Вторым вариантом разрешения обозначенного противоречия является община, которая решила окончательно укорениться в своем укладе и больше его не покидать. В таком случае она уже перестает быть примером для мира, т.к. двоякость ее герметичности оказывается нарушена. Из приглашения к общению она преобразуется в автономное место жительства, организованное хозяйственной деятельностью.

И здесь не так важна внешняя обусловленность, община может находиться в сельском или городском пространстве, поблизости от средоточий цивилизации или в отдалении от них, и во всех этих местах она способна окончательно замкнуться в себе или быть уничтоженной неотъемлемыми от нее стремлениями. Оба варианта половинчатого поражения община не являются поражениями в собственном смысле слова, их скорее уместно назвать преобразованием общины в нечто другое, что закономерно для противоречивого явления, рано или поздно выходящего из своего зыбкого равновесия.

Спасительность общины, которая, разумеется, не привносит спасения в наличное сущее, заключается в ориентации на соотнесенность, которая при достижении взаимности в ней полагалась спасительной в ряде богословских учений. Община сосредоточена на соотнесенности и приглашении ко взаимности, но она, как, впрочем, и всякий способ занятости спасением, является только напряжением в этом направлении, а не его реализацией, предполагающей разрядку. Приглашение к общению, которое предполагает община, не может возыметь окончательного положительного ответа в силу ее положения примера, как и монашество не могло в силу своей соотнесенности с миром обратить в монашество всех христиан. Напряженность устремленности к спасению предполагает создание этой конкретной жизни, которая не предполагает себе какого-либо согласия или несогласия, а предполагает вовлеченность. Но такой вариант для общины, если приглашением к общению она остается, совершенно невозможен, ведь тогда устремленность к спасению была бы прекращена. Занятость спасением противоречит самому спасению, занятость спасением предполагает переживание собственной неспасенности, а потому спасенным может назван быть только тот, кто вовсе забыл о данном вопросе. В осмыслении общины таким образом может быть найдено немало для более общего осмысления природы спасения и устремленности к нему.

Таким образом настоящее исследование позволило чётко определить структуру общины с точки зрения её возникновения (предпосылок и возможностей - жест ухода из мира ввиду неудобоваримости ситуации настоящего), её существования (отношение к участникам и между ними: отчуждение участников посредством уклада), а также устремленности (отношение к сообществу, как к грядущему, онтологическому горизонту, замкнутость общины на своём укладе - как «спасение о спасения»). Взгляд на исторические проявления общины позволили увидеть, как реализуется (причём не всегда успешно) жест ухода из мира, и что может быть причиной неуспеха с точки зрения построения общины: внешние обстоятельства (мир), внутренние (отношения между участниками), а также соотнесённости её участников с миром (параллель монашеской жизни, как примера жизни для других - место советских коммун в пропаганде), а также отношения участников к укладу: толстовские и советские коммуны как общины строящиеся (где вопрос о том как следует жить и строить уклад стоял), и монашеские (где задача была уже определена).

Община представляет собой онтологическое звено в мышлении о сообществе, так как оно встаёт перед ним и к нему устремляется. Таким образом, можно сказать, что община реализует метафизическую потребность, наблюдаемую и в мышлении о сообществе, однако рассмотрении общины также предлагает и исторические примеры, которые лучше позволяют вскрыть природу как её самой, так и сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М. 2011. 208 с.
2. Бланшо М. Неопишемое сообщество. М. 1998. 80 с.
3. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М. 2008. 144 с.
4. Маргалит А. Достойное общество. М. 2021. 304 с.
5. Шмитт К. Понятие политического. СПб. 2016. 556 с.

6. Августин Блаженный. О граде Божием. Кн. 1–13 // Августин Блаженный. Творения. Т. 3. СПб. 1998. 595 с.
7. Карпов К. В. Доктрины предопределения в средневековой философской теологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 228–250.
8. Иоанн Кассиан Римлянин. О воплощении Господа против Нестория: семь книг [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kassian_Rimljanin/o-voploshhenii-gospoda-protiv-nestorija-sem-knig/#0_92 (дата обращения: 13.03.2026).
9. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Palama/triady-v-zashhitu-svjashhenno-bezmolvstvujushhih/ (дата обращения: 13.03.2026).
10. Майстер Экхарт. Об отрешенности. М.; СПб. 2001. 432 с.
11. Гордеева И. А. Забытые люди: история российского коммунитарного движения. М. 2003. 240 с.
12. Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 77–110.
13. Юнгер Э. Уход в Лес. М. 2020. 144 с.
14. Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М. 1980. 454 с.
15. Качинский Т. Д. Индустриальное общество и его будущее: манифест Унабомбера. СПб. 2006. 148 с.
16. Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М. 2002. 327 с.
17. Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России 1920-х годов. СПб. 2010. 246 с.

REFERENCES:

1. Nancy J.-L. *Neproizvodimoe soobshchestvo* [The inoperative community]. Moscow: Vodolei, 2011. 208 p. (In Russian)
2. Blanchot M. *Neopisuemoe soobshchestvo* [The unavowable community]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, 1998. 80 p. (In Russian)
3. Agamben G. *Gryadushchee soobshchestvo* [The coming community]. Moscow: Tri kvadrata, 2008. 144 p. (In Russian)
4. Margalit A. *Dostoinoe obshchestvo* [The decent society]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 304 p. (In Russian)
5. Schmitt C. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St Petersburg: Nauka, 2016. 556 p. (In Russian)
6. Augustinus Aurelius. *O grade Bozhiem. Kn. 1–13* [The City of God. Books 1–13]. In: *Tvoreniya* [Works]. Vol. 3. St Petersburg: Aleteiya; Kyiv: UTsIMM-Press, 1998. 595 p. (In Russian)
7. Karpov K.V. *Doktriny predopredeleniya v srednevekovoi filosofskoi teologii* [Doctrines of predestination in medieval philosophical theology]. In: *State, religion and church in Russia and Worldwide*. 2014. No. 1 (32). P. 228–250. (In Russian)
8. John Cassian. *O voploshchenii Gospoda protiv Nestoriya: sem knig* [On the Incarnation of the Lord against Nestorius: seven books]. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kassian_Rimljanin/o-voploshhenii-gospoda-protiv-nestorija-sem-knig/#0_92 (accessed 13.03.2026). (In Russian)
9. Gregory Palamas. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolvstvuyushchikh* [Triads in defence of those who practice sacred stillness]. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Palama/triady-v-zashhitu-svjashhenno-bezmolvstvujushhih/ (accessed 13.03.2026). (In Russian)
10. Meister Eckhart. *Ob otreshennosti* [On detachment]. Moscow; St Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. 432 p. (In Russian)
11. Gordeeva I.A. *Zabytye lyudi: istoriya rossiiskogo kommunitarnogo dvizheniya*. [Forgotten people: history of the Russian communitarian movement]. Moscow: AIRO-XX, 2003. 240 p. (In Russian)

12. Frank S.L. Etika nigilizma [Ethics of nihilism]. In: Frank S.L. Sochineniya [Works]. Moscow: Pravda, 1990. P. 77–110. (In Russian)
13. Jünger E. Ukhod v Les [The forest passage]. Moscow: Ad Marginem Press, 2020. 144 p. (In Russian)
14. Thoreau H.D. Uolden, ili Zhizn v lesu [Walden, or Life in the Woods]. Moscow: Nauka, 1980. 454 p. (In Russian)
15. Kaczynski T.J. Industrialnoe obshchestvo i ego budushchee: manifest Unabombera [Industrial society and its future: Unabomber manifesto]. St Petersburg: Revolva, 2006. 148 p. (In Russian)
16. Romanenko E.V. Povsednevnyaya zhizn russkogo srednevekovogo monastyrya [Everyday life of a Russian medieval monastery]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2002. 327 p. (In Russian)
17. Durand D. Kommunizm svoimi rukami: obraz agrarnykh kommun v Sovetskoi Rossii 1920-kh godov [Do-it-yourself communism: the image of agrarian communes in Soviet Russia of the 1920s]. St Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 246 p. (In Russian)